

Валдайские
записки

#27 | Август 2015

Снова надзирать и наказывать?
К очередному изданию
полицейского государства
или назад в Средневековье

В.М. Сергеев

Е.С. Алексеенкова

В последние годы во всем мире наблюдается весьма отчетливая тенденция к сужению сферы личных свобод. Одновременно расширяется сфера свободы суверена – сфера, где государство позволяет себе вмешательство в частную жизнь гражданина. Несмотря на декларируемую приверженность либеральным ценностям и многочисленные попытки западных государств заставить «авторитарных» руководителей соблюдать права человека под страхом различного рода санкций, современному либеральному государству пока не очень удается снять с себя обвинения в двойных стандартах. Проблема в том, что рациональность, как ключевой либеральный принцип, может направляться не только в сторону свободы и прогресса. Но и в сторону контроля ради прогресса. А в худшем случае – контроля ради контроля. В результате - вместо свободного, креативного и раскрепощенного индивида на выходе мы можем получить своего рода «государство-муравейник» - сообщество инертных, разобщенных и тотально контролируемых масс.

Свобода быть дисциплинированным

Наиболее активное обсуждение этой тенденции началось после событий 11 сентября 2001 г., когда, вслед за известными терактами, правительство США объявило войну террору и приняло «Патриотический акт», резко ограничивающий права граждан. Документ допускал не только возможность прослушивания спецслужбами телефонных разговоров, личный досмотр пассажиров авиатранспорта и другие, казалось бы, естественные в подобной ситуации меры. Он предполагал отслеживание денежных потоков и значительное сокращение действия банковской тайны - для предупреждения финансирования террористов¹. Действие акта было отменено 1 июня 2015 г. Но новый закон, одобрения которого намерена добиваться администрация Б.Обамы («Акт о свободе США»), хотя и усложнит работу спецслужб, но сделает слежку за гражданами по-прежнему возможной.

Однако по большому счету, «Патриотический акт» стал лишь вершиной айсберга, а подводная его часть формировалась на протяжении многих десятилетий, зародившись практически одновременно с возникновением либерализма. Эпоха Просвещения - а именно, просветители XVIII века и либералы века XIX-го - породили идею «минимального» государства. Она проявилась в текстах англо-саксонских философов XX в., трансформируясь в концепцию государства - «ночного сторожа», нанятого блюсти права человека и имеющего право вмешиваться в его приватную сферу. Но лишь - и ровно настолько, насколько это требуется для обеспечения его безопасности.

Однако переход от средневекового понимания положения человека, его отношений с властью - к либеральному отношению сопровождался, как это показано Мишелем Фуко, усиливающейся тенденцией к дисциплине, что, естественно, предполагало (в противовес либеральным воззрениям) увеличение вмешательства в частную жизнь человека. Граница, которую не должен, по идее, пересекать «ночной сторож» сдвинулась в сторону сокращения свободы индивида и наращивания контроля за его поведением. Снова формируются непрозрачные зоны, попадая в которые человек оказывается уязвимым перед лицом государственной

¹ См. полный текст по ссылке: <https://epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html> (дата обращения 06.07.2015)

машины и непредсказуемости применяемых к нему практик физического и структурного насилия.

Даже в XX и XXI вв., несмотря на декларируемую либеральными мыслителями свободу человека от правительственного вмешательства, оно продолжало усиливаться, обретая новые формы – не в виде пыток и зверских казней (как в средние века), а усилением наблюдения государства за поведением каждого отдельного человека.

Примерно с 20-х гг. XX века наблюдается бурное развитие так называемой контролирующей и дисциплинирующей власти. На сегодняшний день даже в институционализированных демократиях существуют неинституциональные (несистемные) инструменты политики, часто фактически нивелирующие существующие на бумаге демократические институты и позволяющие вмешиваться в частное пространство индивида как в чрезвычайных ситуациях, так и в каждодневном режиме.

Справедливости ради, следует отметить, что усиление контроля оправдывалось благом самого индивида. Да, клиническая медицина сделала «тело» объектом власти. Но результатом стало резкое улучшение качества жизни. Да, полицейский аппарат глубоко проник в общество. Но в целом ряде случаев это привело и к снижению уровня преступности. Да, электронные средства коммуникации делают индивида практически полностью поднадзорным. Но оперативность передачи информации возросла в разы. Таких аргументов можно привести множество.

Вопрос в том, до какого предела должен дойти рост контроля, чтобы обесценить для индивида приносимые им блага? На определенном этапе контроль превращается в цель в себе, а его связь с ростом благ становится, как минимум, неочевидной.

«Большой брат» следит за тобой

Несколько тенденций XX и начала XXI вв. свидетельствуют о том, что практика сокращения личных свобод и усиления вмешательства государства в частную жизнь граждан не сокращается, а, напротив, нарастает. Остановимся на наиболее заметных из них.

1. Одной из таких тенденций стало ограничение свободы передвижения и введение практик контроля над перемещением граждан. Свидетельством тому является, например, введение визового режима, что представлялось бы немислимим европейцам XVIII или XIX веков. В конце Первой мировой войны визы начали использоваться в качестве инструмента ограничения миграции, обеспечения безопасности и выявления агентов иностранных государств. С 30-х гг. XX в. в СССР стали вводиться визы на выезд из страны. Смысл «выездных» виз заключался в том, чтобы не дать возможность уехать наиболее оппозиционным настроенным гражданам и использовать репрессии против них внутри страны. Аналогичные

режимы сохраняются и по сей день в наиболее жестких авторитарных режимах (например, в КНДР; отдельные ограничения на выезд сохраняются в Узбекистане, в Саудовской Аравии и Катаре), что вызывает активную критику ООН.

Введение паспортов и последующее совершенствование паспортной системы (вмонтаживание в документ чипов с личными идентификаторами) относятся к той же категории мер контроля за передвижением граждан. Предлогом для введения биометрических документов стали события 11 сентября 2001 года в США, где и появилась сама идея. В 2002 году представители 188 стран мира подписали Новорлеанское соглашение, в соответствии с которым биометрия лица признана основной технологией идентификации для паспортов и въездных виз следующего поколения.

2. Отдельного внимания заслуживает практика отслеживания движения личных средств на банковских счетах, что означает практически отмену банковской тайны и является весьма серьезным ограничением свобод человека, полностью противоречащим модели «свободного капитализма».

А ведь в этой модели банковская тайна на протяжении нескольких веков была одним из основных элементов. В Швейцарии, например, где ее соблюдение было одним из столпов финансовой системы и залогом процветания банковского сектора (оно закреплено Законом о банковской деятельности от 1934 года), оказалось под вопросом.

17 июня 2010 года швейцарский парламент ратифицировал Соглашение между швейцарским правительством и правительством Соединенных Штатов, позволившее банку UBS передать американским властям информацию о 4450 американских клиентах UBS, которых подозревают в уклонении от уплаты налогов. Кроме того, 1 февраля 2013 года вступил в силу Федеральный закон Швейцарии о международной помощи в налоговых вопросах (StAhiG), который устанавливает порядок реагирования налоговых органов Швейцарии на запросы от иностранных государств. Хотя речи о ликвидации банковской тайны в Швейцарии как таковой пока не идет, тем не менее, сама возможность и практика получения сведений о счетах клиентов приобретает все более четкие очертания.

3. К мерам ограничения свободы индивида в целях государственной необходимости относятся такие явления, как бессрочное задержание и превентивное заключение. Подобные меры на протяжении XX и XXI вв. применялись довольно широко, причем как в законном виде, так и в виде нерегламентированной практики. Так, например, с 1994 года бессрочное задержание начало применяться в Австралии для вьетнамских, китайских и камбоджийских беженцев. В 2004 году Высокий суд Австралии постановил, что бессрочное содержание под стражей лиц без гражданства является законным. То же касается и насильственных и сексуальных преступников. В Малайзии до 2012 года действовал Закон о внутренней безопасности (ISA), принятый в 1960 году, который позволял бессрочное содержание под стражей без суда в течение 2 лет и дольше по мере необходимости². В Сингапуре Закон о внутренней

² Kua Kia Soong. 445 Days Under the ISA. Kuala Lumpur: GB Gerakbudaya Enterprise Sdn Bhd, 2010.

безопасности позволяет правительству арестовывать и бессрочно задерживать лиц, которые несут угрозу национальной безопасности. В Германии максимальный срок превентивного заключения до 1998 г. составлял десять лет. В 1998 году правящая коалиция социал-демократов и «зеленых» отменила эти ограничения. Таким образом, власти получили возможность продлевать сроки превентивного заключения, для тех заключенных, которые вызывали у них опасения.

Самым известным примером превентивного бессрочного задержания без решения суда стала печально известная американская тюрьма Гуантанамо – лагерь для лиц, обвиняемых властями США в терроризме и ведении войны на стороне противника. С 2002 по 2006 через нее прошли свыше 750 иностранцев, захваченных американскими войсками в ходе операций на территории Афганистана и Ирака. По состоянию на апрель 2006 года в тюрьме оставалось 490 узников, из которых лишь десяти были предъявлены официальные обвинения. Большинство – граждане Саудовской Аравии, Афганистана и Йемена. В 2009 году Б.Обама принял решение о реформировании тюрьмы, лагерь должен был быть закрыт, однако, решение президента не было выполнено. Тюрьма продолжает функционировать.

4. Практики слежения, прослушивания и прочих способов вторжения в частную сферу, в том числе и лиц государственного значения, приобрели настолько широкомасштабный характер, что регулярно провоцируют международные скандалы.

После знаменитого Уотергейтского скандала, стоившего Ричарду Никсону отставки с поста президента, данная практика не только не перестала использоваться, но продолжает набирать обороты. О масштабе бедствия стало известно благодаря деятельности Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена. Прослушивание телефонных разговоров первых лиц государства практикуется даже между союзниками (достаточно вспомнить скандал между Францией и США в июне 2015 года). В этом вопросе современный мир действительно не далеко ушел от эпохи средневековья, правда, с поправкой на резко возросшие технические возможности.

5. Ярчайшим примером несанкционированного вторжения современных государств в частную сферу граждан стала практика гуманитарных интервенций и других операций, оправдываемых борьбой с терроризмом или режимами, нарушающими права человека. Бомбардировки Югославии силами НАТО, военные вторжения в Ирак без санкции СБ ООН, операция в Ливии и др. - печальные примеры того, как под лозунгами защиты прав человека лишаются жизни тысячи человек.

В данном случае широкая дискуссия необходима для определения границ суверенитета государства, граждан и третьих государств. Однако это не является предметом данной статьи. Очевидно одно: в современном мире по-прежнему сохраняются (и даже множатся) угрозы суверенитету личности и военные вторжения. Будь то гуманитарные интервенции, операции под лозунгами «защиты» населения или борьбы с терроризмом – они несут в себе угрозу правам человека, вплоть до права на жизнь.

Таким образом, практика европейских - и в особенности, североамериканских - правительств в отношении разработки и применения все новых средств контроля над поведением гражданина начинает копировать практику тоталитарных режимов в Европе в 30-х годах XX века.

Этот тренд ярко описывается Джорджем Агамбеном в его наиболее известных работах³. В частности, он называет несколько «непрозрачных» зон в современном государстве, где индивид оказывается лишенным всех прав, кроме права на биологическое существование: концлагерь, тюрьма, сборный пункт иммигрантов на границе, таможня и др.

Дж. Агамбену удалось, таким образом, показать, что суверенитет государства способен расширяться за счет сужения сферы суверенитета индивида - вплоть до сведения субъектности последнего к биологическому существованию.

И хотя такие явления, как концлагерь, хочется надеяться, остались в прошлом, практики превентивного заключения и содержания людей в заключении без (или до) вынесения судебного решения по-прежнему имеют место. Наличие таких зон и есть эмпирически выявляемый предел либерализма современного государства.

Практика вмешательства в личную жизнь происходит на всех уровнях, начиная с вождения автомобилем и запредельно высоких штрафов за нарушение правил, и заканчивая контролем за расходованием личных средств. Теперь можно в реальном времени непрерывно отслеживать мельчайшие стороны деятельности человека: от местонахождения – до физиологических параметров. Все эти меры, как правило, оправдываются соображениями безопасности⁴ и легализуются посредством документов типа «Патриотического акта».

Так, например, французский аналог «Патриотического акта» появился в мае 2015 года⁵ и предоставил французским спецслужбам широкие возможности по части слежки за гражданами и более активного применения технических средств, которые ранее использовались лишь с санкции судебных властей. Аналогичный закон появился в апреле и в Канаде⁶.

³ Agamben G. 1998. Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford.

⁴ Obama on Surveillance, Then and Now // The New York Times. June 7, 2013.

http://www.nytimes.com/interactive/2013/06/08/us/politics/08obama-surveillance-history-video.html?_r=0

⁵ Французский парламент расширил полномочия спецслужб // Российская газета. 06.05.2015

<http://www.rg.ru/2015/05/06/france-site.html> (дата обращения 07.07.2015)

⁶ The Fight Over Canada's Patriot Act // The Foreign policy. 24 April 2015. <http://foreignpolicy.com/2015/04/24/the-fight-over-canadas-patriot-act-bill-c-51-canadian-anti-terrorism-legislation-stephen-harper-bill-c51/>

Секьюритизация всего: почему и зачем?

Происходит всеобщая секьюритизация, множатся виды безопасности: энергетическая, продовольственная, транспортная и прочее, и прочее. Некоторые политологи в связи с этим говорят о «секьюритизации политики».

Возникает принципиальный вопрос: насколько оправдана эта глобальная секьюритизация? Насколько она в действительности приводит к реальному увеличению безопасности жизни людей?

Исследуя этот вопрос, мы видим, что находимся очень далеко от однозначного ответа. Ряд явлений современного мира, в частности, глобализация, вызывает многочисленные перемещения людей. Перемещающиеся граждане принадлежат к различным культурам, происходят из государств с разным государственным и политическим устройством и имеют разный уровень образования. Поэтому «всеобщая секьюритизация» представляется, в известной мере, оправданной. Достаточно рассмотреть колоссальные потоки мигрантов из Африки в Европу (в числе которых бесспорно находится значительное количество приверженцев радикальных исламских учений, да и просто маргиналов). Однако, как показывают исследования⁷, ожидания принимающего общества в отношении якобы неминуемого роста преступности среди иммигрантов зачастую превосходят реальную статистику (что, кстати, может быть результатом секьюритизации общественно-политического дискурса).

Но и ситуация в самой Европе далека от идеальной. Расширение границ Евросоюза, включение в его состав таких стран, как Болгария и Румыния, сильно осложняют ситуацию. Так как все граждане ЕС, по идее, должны пользоваться равными правами, то и отношение к ним должно быть, как к представителям социума, находящимся на достаточно высоком уровне развития. Между тем, тяжело требовать от румынских цыган соответствия европейским стандартам, так же как тяжело требовать этого от черных мигрантов из Центральной Африки. Проблемы социокультурной интеграции, таким образом, являются частью платы за политизацию вопроса о расширении ЕС.

Возникающая дилемма по существу не имеет решения. Ждать, пока граждане менее развитых в социальном отношении государств дойдут до средневропейского уровня, не представляется возможным. Точно также, как тяжело ожидать от мексиканских мигрантов в США соответствия американским стандартам понимания закона. Единственной альтернативой является усиление контроля со стороны правительства за обществом в целом, а это приводит к снижению уровня защиты граждан от произвола власти.

⁷ How does immigration affect crime?// The Economist, 12 December, 2013. <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/12/economist-explains-10> (06/07/2015); Crime doesn't rise in high immigration areas – it falls, says study// The Guardian, <http://www.theguardian.com/uk/2013/apr/28/immigration-impact-crime> (06/07/2015).

Компенсация морального ущерба

Одновременно с тенденцией к «дисциплинированию масс» наблюдается и другая, противоположная тенденция - проявление свободы в таких областях социальной жизни, которые были под запретом, или, во всяком случае, не поощрялись. Например, речь о признании однополых браков.

Возникает странное ощущение двойственности процесса: с одной стороны, усиление полицейского государства, с другой - распространение идей «либертинажа» среди жителей этого полицейского государства. Причем толерантность к тому, что еще вчера было под запретом, или не одобрялось обществом, демонстрируется очень зримо. Достаточно вспомнить конкурс Евровидения в 2014 году или легализацию однополых браков в США, Нидерландах, Бельгии и других государствах Европы.

Можно ли считать, что эти два процесса каким-то образом связаны между собой? Ответ стоит искать в плоскости рассмотрения структуры современного западного общества в целом, прежде всего, с точки зрения взаимоотношений элиты и среднего класса с прибывающим извне населением или маргиналами за пределами «цивилизованного» общества (террористами, радикальными исламистами, религиозными фанатиками и пр.).

«Секьюритизация» общества происходит, прежде всего, в интересах элиты и среднего класса, обеспечивая их безопасное существование. Вызовом этой безопасности и являются, во-первых, массы люмпенизированных мигрантов, чье появление на политической арене развитых стран связано с процессом глобализации, и, во-вторых, радикально настроенные группировки извне. Таким образом, *формируется идеология «осадной крепости»*, что и влечет за собой усиление контроля на границе, наделение спецслужб большими полномочиями и принятие жестких мер безопасности внутри страны.

Процесс разрушения традиционных ценностей происходит ввиду значительного различия в культуре мигрантов и коренного населения развитых стран. В результате нарушается социокультурное единство норм и правил поведения, что приводит к ситуации, когда можно ожидать всего, чего угодно и от кого угодно. Таким образом, *многократно возрастает восприятие рисков* (хотя объективно эти риски, может быть, и не столь велики) и *ожидание угроз*.

Разрушение культурных стереотипов не может не затрагивать все сферы жизни. Спокойная «бюргерская» жизнь становится жертвой глобализации, а необходимость контролировать преступные кланы приводит к ограничению личных свобод. С другой стороны, эти достаточно ясные и иногда болезненные ограничения не могут оставаться без компенсации. Именно этой компенсацией и является повысившаяся толерантность к типам поведения, в «добрые старые времена» подвергавшимся запретам.

Особенно ясно эти процессы проявляются в США. Страна, в которой множество консервативных протестантских сект, является одним из лидеров как в установлении контроля и «дисциплинировании» поведения своих граждан, так и в широко понимаемой толерантности к тому, что еще недавно считалось девиантным поведением. В США распространены огромные сроки тюремного наказания за преступления (что, по-видимому, вполне вписывается в протестантскую мораль), там чрезвычайно большое количество заключенных - в разы больше, чем в европейских странах на душу населения (хотя население США составляет менее 5 % от мирового, порядка 25 % людей, находящихся за решеткой, приходится на американские тюрьмы⁸). Спецслужбы США на протяжении последних 15 лет официально имели (на основании «Патриотического акта») широкий доступ к частной жизни граждан.

Одновременно в США снимается ряд ограничений, например, для ЛГБТ сообществ, растет толерантность к использованию легких наркотиков.

Мы, таким образом, становимся свидетелями новой, далеко идущей системы отношений в обществе. С одной стороны, изменяется система «консервативных ценностей». С другой - ей на смену приходит другая, контуры которой еще формируются, но в которую уже включены принципы политкорректности и терпимости в отношении меньшинств. Если раньше эти ценности были локализованы в узких субкультурах (например, в университетской среде), то сегодня они получают более широкое распространение.

Россия не является исключением из данной тенденции, хотя традиции либерализма здесь имеют гораздо менее глубокие корни и не столь давнюю историю. Терракты 1990-2000-х гг., а также развитие международного тренда на повышение мер безопасности способствовали заметному ужесточению мер контроля. Развитие технологий дает возможность отслеживания частной жизни граждан на том же уровне, что и в зарубежных странах. В теории Конституция России запрещает любое нарушение тайны личных переговоров без судебного решения. Но на практике все операторы связи обязаны подключать систему обеспечения оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), позволяющую ФСБ и органам МВД России прослушивать любого абонента и получать иную информацию без предъявления судебного ордера. В сентябре 2014 года большая палата Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) рассмотрела жалобу петербургского журналиста и правозащитника Романа Захарова о незаконности существования такой системы. Впрочем, решение пока не вынесено. В июле 2015 г. в Государственную думу внесен законопроект (автор – депутат Александр Агеев), который позволил бы принять кодифицированный нормативный акт, регламентирующий оперативно-розыскную деятельность в сфере вмешательства в частную сферу граждан.

В России также используется довольно жесткая система контроля над перемещением граждан. Во многом она унаследована еще с советских времен. Обязательной является регистрация по месту жительства и по месту пребывания. Перемещение в поездах дальнего следования, а также междугородними рейсами автобусов осуществляется только по предъявлению паспорта. Иммиграционная политика в России также приобретает все более охранительный характер.

⁸ Joshua Holland, Land of the Free? US Has 25 Percent of the World's Prisoners // <http://billmoyers.com/2013/12/16/land-of-the-free-us-has-5-of-the-worlds-population-and-25-of-its-prisoners/>

Помимо необходимости регистрации и приобретения всех разрешительных документов на пребывание в России, иммигрант всего за два административных нарушения (например, правил дорожного движения) может быть депортирован и лишен права въезда в Россию на период до 5 лет.

Громкую огласку в мире получило дело “Pussy Riot”, которое стало своего рода символом тонкой грани между правом одних на свободу слова и самовыражения и правом других - на защиту чувств верующих. Вынесенный приговор, поддержанный главой государства, свидетельствует о том, что в России не просматривается тенденция к либерализации в сфере свободы самовыражения. Впрочем, также как и в сфере прав сексуальных меньшинств, подтверждением чему служат неоднократные отказы в проведении гей-парадов и вызвавший осуждение у европейских и американских правозащитников закон 2013 года о запрете пропаганды гомосексуализма⁹.

Так почему же Россия, с одной стороны, развивается в русле общего тренда на «секьюритизацию», а с другой – не создает механизмов компенсации «морального ущерба»? Представляется, что здесь имеют значение три момента.

Во-первых, необходимость ужесточения контроля воспринимается обществом как объективная необходимость и не вызывает публичного порицания, поскольку Россия уже более 15 лет находится в состоянии контр-террористической операции на Кавказе, и общество периодически испытывает глубокий шок от жестокости совершаемых терактов. Во-вторых, российское общество действительно весьма консервативно: оно приемлет дискурс о необходимости «сильного государства», гарантирующего «порядок», и действительно разделяет традиционные ценности. В-третьих, российское общество считает по-прежнему справедливой поговорку «суровость законов в России компенсируется необязательностью их исполнения». Введение высоких штрафов зачастую не вызывает возмущения, поскольку все понимают, что отследить нарушения в российских условиях, при высокой степени неэффективности таких ведомств, как МВД и ГИБДД, и наличии механизмов коррупции, реально невозможно. *Бытует понимание того, что наказание не является неотвратимым, и именно это является «компенсационным» механизмом – в прочих послаблениях просто нет необходимости.*

⁹ <http://ria.ru/politics/20130630/946660179.html>

Назад в Средневековье: конец «глобализации с человеческим лицом»

Как борьба за права меньшинств связана с системой ужесточения наказаний и общим трендом к «дисциплинированию» общества? Судя по всему, дело здесь даже не в смене ценностей, а, скорее - в глубинном онтологическом сдвиге, происходящем в умах людей. Общество согласно¹⁰ на дополнительные ограничения, на упразднение или ослабление некоторых свобод взамен на большую безопасность, причем эта безопасность распространяется равно на всех членов общества при условии послушания и неагрессивного поведения. В случае агрессии же следует суровое наказание.

На практике такая политика была впервые опробована в Сингапуре, где за брошенную на улицу сигарету следовал штраф в несколько сотен долларов. Ясно, что для реализации такой практики необходимо непрерывное наблюдение за каждым членом общества, что значительно сужает право на частную жизнь. Но такое общество предельно «секьюритизированно», и постепенно такая «секьюритизация» становится мировым трендом.

Необходимо отдавать себе отчет в глубинных последствиях подобной «секьюритизации». *Общество «абсолютной безопасности» напоминает муравейник. Иными словами обеспечение равной безопасности для всех влечет за собой привычку к отказу от риска для большинства его членов (за исключением, конечно, тех, кто эту безопасность призван обеспечивать). В результате падает креативность большинства его членов, а само общество преобразуется в жесткую авторитарную структуру.*

Следует заметить, что не случайно в последние два десятилетия на экранах кино и телевидения появилось множество «антиутопий» такого сорта. Черты описанных в этих средствах массового воздействия историй очень напоминают опыт сингапурской автократии, с общепринятыми для художественных произведений преувеличениями.

Естественно, такое общество очень далеко от «либеральных идеалов», но в известном смысле оно является примером доведения этих идеалов до абсурда. Дело в том, что «либеральные идеалы» внутренне противоречивы. С одной стороны, они предполагают свободу выражения убеждений, с другой - максимальную безопасность для общества. Граница между свободой выражения и нанесением ущерба общественной морали очень зыбкая, что неоднократно демонстрировалось в последние годы.

Но в целом общая тенденция, рассмотренная в настоящей работе, не может не тревожить. Довольно легко представить себе, как она отразится на структуре международных отношений.

¹⁰ См., например, отношение американского общества к политике руководства США в сфере борьбы с терроризмом: The War on Terror: Ten Years of Polls on American Attitudes // <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2011/09/Political-Report-Sept-11.pdf>

В принципе это не будет означать, как некоторые аналитики предполагают, конца глобализации, но на самом процессе глобализации это, несомненно, скажется.

В частности, развитие «секьюритизации» в мире будет означать конец глобализации с человеческим лицом, т.е. глобализация повернется к человеку самыми негативными своими сторонами. Всеобщая секьюритизация приведет к появлению множества враждебных друг другу закрытых «осадных крепостей», внутри которых гражданам будет гарантирована безопасность в обмен на свободу и неприкосновенность частной жизни.

Человечество может войти в эпоху нового средневековья, и тренд к этому состоянию достаточно хорошо просматривается в таких явлениях, как «исламский халифат», идеи которого привлекают не только выходцев из традиционных исламских регионов, но и представителей коренного населения европейских стран. «Халифат» вполне может претендовать на новый тип общества - с архаическими и жестокими порядками, иерархией и контролем. И этот контроль будет откровенным и открытым, оправданным религиозными и этическими нормами. Как только в современных светских обществах контроль перестанет давать значимые блага для общества, средневековая модель халифата станет крайне притягательной доктриной.

Об авторах:

В.М. Сергеев, директор Центра глобальных проблем Института международных исследований (ИМИ) МГИМО(У) МИД России, Москва, Россия.

Е.С. Алексеенкова, программный менеджер Российского совета по международным делам, научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований (ИМИ) МГИМО(У) МИД России, Москва, Россия.